DOI: 10.31857/S032150750022881-1

«Задушенное поколение»: южноафриканские писатели-эмигранты и их судьбы (1950–1960-е гг.)

© Курбак М.С.^а, 2023

^а Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-2580-0373; kurbak-m@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена проблеме эмиграции писателей из ЮАР в 1950–1960-х гг. На примере судьбы трех её представителей – Питера Абрахамса, Ната Накасы и Артура Нортье – автор ставит следующие вопросы: каковы были причины, заставлявшие творческую интеллигенцию покинуть свою страну? Какова была политика государства в отношении эмигрантов в 1950–1960-х гг.? Почему для одних писателей эмиграция стала возможностью обрести политическую и творческую свободу, а для других – путем к самоуничтожению, одиночеству и смерти?

Тема эмиграции и эмигрантской литературы Южной Африки является практически неисследованной как в самой ЮАР, так и в зарубежной историографии. Однако исследование судьбы южноафриканской эмиграции проливает свет на схожие процессы и проблемы в истории других стран: причины творческой эмиграции, отношения писателей и власти, проблему самоидентификации представителей различных диаспор за рубежом, а также проблему межкультурного и межрасового диалога в литературе и повседневной жизни.

Ключевые слова: ЮАР, апартеид, эмиграция, культура ЮАР, цензура в ЮАР, писатели и власть

Для цитирования: Курбак М.С. «Задушенное поколение»: южноафриканские писатели-эмигранты и их судьбы (1950–1960-е гг.). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 4. С. 69–76. DOI: 10.31857/S032150750022881-1

“Silenced Generation”: South African Emigrant Writers and Their Fates (1950–1960s)

© Maria S. Kurbak^а, 2023

^а Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2580-0373; kurbak-m@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of emigration of writers from South Africa in the 1950s–1960s. Using the example of the fates of three South African writers – Peter Abrahams, Nat Nakasa and Arthur Nortier – the author raises the following questions: what were the reasons that forced the creative intelligentsia to leave their country? What was the state policy towards emigrants in the 1950s and 1960s? Why did emigration become an opportunity for some writers to gain political and creative freedom, while for others it became a path to self-destruction, loneliness and death? The problem of emigration and emigrant literature of South Africa is almost unexplored both in South Africa and in foreign historiography. However, the study of the fate of South African emigration sheds light on similar processes and problems in the history of other countries: the causes of emigration of intellectuals, the relations between writers and authorities, the problem of self-identification of representatives of various diasporas abroad, as well as the problem of intercultural and interracial dialogue both in literature and everyday life.

Keywords: South Africa, apartheid, emigration, South African culture, censorship in South Africa, writers and state

For citation: Kurbak M.S. “Silenced Generation”: South African Emigrant Writers and Their Fates (1950–1960s). *Asia and Africa today*. 2023. № 4. Pp. 69–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750022881-1

Уходя на чужбину, не оборачивайся.
Пифагор

ВВЕДЕНИЕ

Аспирантка Эссекского университета Джейн Грант приехала в ЮАР в конце 1970-х. Она хотела найти ответ на вопрос: какое влияние на молодое поколение южноафриканцев оказали писатели, эмиг-

рировавшие в 1950–1960-е? Помнят ли их? Читают ли? Выводы, к которым она пришла, с одной стороны, были предсказуемыми, с другой – удручающими. «Самое грустное состоит в том, что правительству, очевидно, удалось заставить замолчать целое поколение писателей – я заглядывала всё глубже, чтобы обнаружить хоть какие-то следы того, что литература распространяется и читается «подпольно», как в Советском Союзе. Но этого не было», – писала Грант [1, р. 38].

Она беседовала с молодыми писателями (в основном чернокожими), а также студентами и преподавателями Кейптаунского университета и Университета Витсватерсранда, спрашивая, какое влияние на них оказало творчество Льюиса Нкоси, Эскиа Мпхалеле, Алекса Ла Гумы – пожалуй, одних из самых известных писателей начала 1960-х. Чаще всего ответ был: «совершенно никакого». Единственный небелый писатель, о котором в основном лишь слышал один из десяти респондентов, был Ричард Рив. «Лишь немногие из наших аспирантов, – отвечал один из преподавателей, – читали даже ранние работы писателей-эмигрантов: их творчество было запрещено, когда нынешнее поколение еще ходило в школу» [1, р. 38].

Южноафриканская писательница и активный борец против апартеида Надин Гордимер видела в сложившейся ситуации трагедию не столько для самих писателей, сколько для читателей, лишенных огромного объема качественной литературы [1, р. 38].

Бегство одной части интеллигенции, молчание и приспособление другой, череда суицидов – всё это было последствиями удушающей атмосферы Южной Африки времен апартеида. После восстания в 1960 г. в Шарпевилле и Ланге, запрета деятельности Африканского национального конгресса, перехода АНК и других сил к вооруженной борьбе репрессии со стороны правительства приобрели невиданный до этого времени размах. Участились аресты, цензура ежегодно включала в список запрещенной литературы всё большее количество книг, журналов и газет. Перед южноафриканской интеллигенцией стоял непростой выбор: уехать, писать «в стол», приспособиться и попытаться выжить или же покончить с собой.

1965 год был отмечен самоубийствами двух ярких представителей интеллигенции: белой поэтессы Ингрид Йонкер и черного журналиста Ната Накасы. Йонкер утопилась в океане в родном Кейптауне, Накаса шагнул из окна квартиры в Нью-Йорке. Ей было 31, ему – 28. Оба талантливы, оба мечтали быть понятыми, прежде всего, у себя на родине, своей страной. Но оказались не услышанными, ненужными, чужими. Два самых известных писателя на африканских языках – А.К.Джордан (*коса*) и Мазиси Кунене (*зулу*) – в начале 60-х покинули Южную Африку без возможности вернуться. Две самых популярных автобиографии черных писателей того времени – «Вниз по Второй Авеню» Мпхалеле и «Обвините меня в истории» Блока Модисана – были написаны в изгнании.

Для большинства уехавших изгнание стало «тяжелым ремеслом», как писал об этом южноафриканский поэт Брейтен Брейтенбах. Невозможность вернуться на родину была для многих причиной глубокой фрустрации, душевного самобичевания, смятения. Лишь немногие писатели-эмигранты смогли «встроиться» и найти свое место в условиях другой политики и культуры. Каким образом одни из уехавших смогли найти свое место за пределами родины, и по каким причинам для других эмиграция означала гибель? Размышлениям над этими вопросами посвящена данная статья.

ЭМИГРАЦИЯ КАК СВОБОДА: ПИТЕР АБРАХАМС

Большинство эмигрантов уехали из Южной Африки с усилением репрессивной политики апартеида в 1950–1960-х. Но были и те, кто уехал еще раньше. Южноафриканский писатель Питер Абрахамс принял решение покинуть родину в 19 лет, в 1939 г. Будучи «цветным» (отец Абрахамса – эфиоп, мать – цветная южноафриканка), Абрахамс с детства испытывал чувство ущемленности и одиночества в Южной Африке. Еще до прихода к власти Национальной партии в 1948 г. южноафриканское общество жило сегрегированно. Небелое население не обладало теми же правами и привилегиями, что белое. Главным чувством, которое испытывал Абрахамс с детства, было отчуждение. Отчуждение от уродства и несправедливости окружавшей его реальности. Физическое бегство представлялось ему лучшим выходом, потому что на родине он не видел никаких перспектив для себя. Хотя первые годы жизни в эмиграции были отнюдь не легкими, они всё же принесли больше свободы, чем жизнь в Южной Африке.

Абрахамс, как многим казалось, был полон противоречий. Страстный поклонник Маркуса Гарви (основателя движения «Назад в Африку») и активного борца против колониального господства европей-

ских государств), он переселился в центр Британской империи – в Лондон. В отличие от Гарви, он симпатизировал идеям коммунизма. Он подружился с тринидадским panaфриканистом Джорджем Пэдмором, одним из самых ярких критиков Гарви.

Приехав в Европу, Абрахамс активно содействовал продвижению идей Гарви, а также panaфриканизма¹, в 1945 г. помог организовать Манчестерский panaфриканский конгресс. Он поддерживал постоянную связь с лидерами антиколониального движения – и такими же приверженцами panaфриканизма – Уильямом Дюбуа, Кваме Нкрумой, Джоомо Кениатой и др. Но очень скоро разочаровался и в них, и в возможности осуществления идей panaфриканизма, и в новых африканских государствах.

Абрахамс одним из первых, даже будучи вдали от Африки, увидел, что «старые болезни» африканских стран никуда не исчезнут со сменой режима и приходом к власти чернокожих африканцев. В 1956 г., за год до обретения независимости первой африканской страной – Ганой, Абрахамс опубликовал роман «Венок Майклу Удомо». Литературовед Харви Кертис Вебстер в газете *Saturday Review* назвал его «самым пронизательным романом о сложном взаимодействии между британским империализмом и африканским национализмом и трайбализмом» [2].

Действительно, Абрахамс поразительно точно описал судьбу лидера антиколониальной борьбы, пришедшего к власти будущего президента. И столкнувшегося с теми же проблемами, что и белые до него. Майкл Удомо говорит, вероятно, словами самого Абрахамса: «Как я уже сказал, у нашей страны три врага. Первый враг – белые. Второй – бедность, и третий враг – наше прошлое. Когда я вернулся, я видел только одного врага – белых. Но стоило мне одолеть его, как я увидел двух других и понял, что они гораздо сильнее, гораздо опаснее первого врага»².

Разочаровался он и в своем друге Джоомо Кениате (первом премьер-министре и президенте независимой Кении), когда в 1965 г. посетил Кению. Его встречал президентский лимузин с охраной, на улицах, по которым он ехал, не было ни одного человека – их заранее разогнали перед поездками президента. Абрахамс с горечью писал: «Президент перестал быть моим другом Джоомо, человеком из народа, который когда-то разделял с народом борьбу и страдания. Теперь в каждом бизнес-центре, в каждом магазине, в каждом офисе, где я бывал, на стене обязательно висела фотография президента... Новый Бвана мкубва³ был когда-то борцом за свободу... Где-то на пути к свободе лидеры нашей борьбы стали похожи на тех, с кем они боролись. Мы стали похожи на наших врагов...» [3, pp. 123–124].

Разочаровался Абрахамс и в европейской демократии: в Европе он обнаруживал всё больше признаков расизма и ксенофобии. Славу его «Венка Майклу Удомо» затмила книга Алана Пейтона «Плачь, любимая страна» – как считал Абрахамс, потому что Пейтон был белым борцом против апартеида, что вызывало большой отклик в сердцах европейцев. «У меня получилось неплохо, но Пейтон победил», позже с грустью декларировал Абрахамс [3, p. 217]. Настоящую свободу, в т.ч. от расовых предрассудков, Абрахамс ощутил лишь на родине М.Гарви.

Ямайка была для Абрахамса мечтой (не лишенной расистской окраски) «о доме на этой планете, куда белая тень никогда бы не падала» [4]. Разумеется, это мечта и утопия, неосуществимая полностью ни в одной точке мира, особенно в современном мире. И независимая Ямайка, как оказалось, не слишком-то отличалась своим политическим развитием от новых африканских государств. Абрахамс и этому смог смело посмотреть в глаза. В 1966 г. он опубликовал роман «Этот остров сейчас», в котором рассказал историю одного Карибского острова, где к власти приходит радикальный черный лидер, и страна постепенно погрязает в коррупции.

Чужбина оказалась Абрахамсу ближе отечества. Даже после первых демократических выборов и перехода власти в руки АНК он возвращаться не захотел. «Южная Африка – прекрасная страна, но я не желаю туда ехать. Я знаю, что там всё осталось примерно так же, только с аурой Манделы. Это как Тито и Югославия», – сказал он в одном интервью в 2003 г. [4]. И добавил, что очень хорошо понимает и много раз видел людей, которые прожили всю жизнь в ожидании возможности вернуться домой. «Я стал полноценным человеком, когда наконец убрал маленький собранный чемоданчик изгнанника.

¹ Идеино-политическое движение, возникшее на рубеже XIX–XX вв. и связанное с требованием представителей африканских общественно-политических движений о предоставлении независимости африканским странам, а также предоставлением чернокожим равных политических прав в США (*прим. авт.*).

² Абрахамс П. Венок Майклу Удомо. М., 1965, с. 278.

³ Wwana mkubwa (на яз. суахили) – большой господин (*прим. ред.*).

Когда Мандела вышел из тюрьмы и когда закончился апартеид, я перестал нести это бремя Южной Африки. Я сбросил его» [4].

Возможно, он подразумевал огромные внутренние проблемы и противоречия, накопившиеся в южноафриканском обществе, которые невозможно решить лишь с помощью харизматичного лидера (каким был Тито в Югославии и Мандела в ЮАР). После ухода такого лидера от власти все социальные и экономические проблемы всё равно выйдут на поверхность и расшатывают страну, как это случилось с Югославией после смерти Тито. Вероятно, Абрахамс предполагал подобный сценарий и для своей родины. Но к этой её странице он уже не хотел иметь никакого отношения.

Абрахамс умер в 2017 г. на Ямайке в возрасте 97 лет, так никогда и не вернувшись в ЮАР.

ЭМИГРАЦИЯ КАК САМОУНИЧТОЖЕНИЕ: АРТУР НОРТЬЕ И НАТ НАКАСА

Южная Африка времен апартеида, особенно с 1960-х – начала 1970-х, после перехода движения против апартеида к вооруженной борьбе, а правительства – к радикальным мерам и жестким репрессиям, стала местом поистине удушающим. В тяжелой атмосфере социального и политического напряжения, всеобщего недоверия и страха, вполне естественным состоянием человека становится бегство. Но не для всех это бегство было спасением, как для Питера Абрахамса. Для многих оно стало дорогой в никуда, дорогой к самоуничтожению и смерти.

Среди «невьживших» оказались и два очень ярких молодых и талантливых южноафриканца – поэт Артур Нортъе и журналист Нат Накаса. Один покончил с собой из страха принудительного возвращения на родину, другой – от невозможности туда вернуться.

Нат Накаса родился в тауншипе Дурбана и учился в зулусской лютеранской школе (миссионерской). После её окончания, в 17 лет, он устроился младшим репортером в газету *Ilanga Lase Natal*, одно из самых популярных изданий того времени на зулу. Через два года его заметил редактор журнала *Drum*. Работа в *Drum* дала Накасе возможность обрести известность среди огромного количества читателей, донести до них свой взгляд на события в стране.

Но все изменилось после принятия Акта о подавлении коммунизма 1950 г. и особенно после расстрела демонстрации в Шарпевилле в 1960 г. По стране прокатилась волна репрессий, усилилась цензура как в отношении литературы, так и журналистики. Разумеется, репрессии и новое наступление на гражданские свободы породили волну эмиграции. За несколько лет после Шарпевилля уехали многие политические и культурные деятели, в т.ч. главный редактор *Drum* С.Стейн, авторы *Drum* Т.Матшикиза, А.Маймане, Л.Нкоси. И Нат Накаса.

И для Накасы, и для Нкоси эмиграция была билетом в один конец. И тому и другому южноафриканские власти отказали в выдаче паспорта, и им пришлось подписать «разрешение на выезд». Согласно Акту 1955 г. о регулировании выезда из Союза (*Departure from the Union Regulation Act*) это разрешение означало автоматический отказ от южноафриканского гражданства и невозможность когда-либо вернуться назад.

Такие отказы в выдаче паспорта происходили довольно часто в то время. Политика отказа в документах на въезд и выезд из страны служила орудием для политического устрашения оппонентов режима и была направлена главным образом против тех, кого считали коммунистами. В 1962 г. отказ в получении паспорта получили 88 человек, в 1963 г. – 116, в 1964 г. – уже 443. Всего в 1960-е отказ в паспорте получили около 2500 человек [5, p. 767].

Накаса получил отказ в выдаче паспорта всего за несколько дней до отъезда в Гарвард, где он, как Нкоси, получил стипендию *Nieman Fellowship*. Свою последнюю колонку, написанную из ЮАР, он озаглавил «Человек ниоткуда» («*A Native of Nowhere*»). В ней он делился с читателями своими размышлениями о том, какое новое гражданство ему стоит обрести. В итоге он приходит к выводу, что неплохо бы стать советским гражданином. Советский Союз точно нуждается в поддержке африканца! «Кто знает? Может, я даже поднимусь до премьер-министра Советского Союза. В конце концов, д-р Фервурд родился в Голландии и стал премьер-министром Южной Африки», – писал Накаса. Как советский премьер, – заканчивал Накаса, – он провел бы «южноафриканизацию России, небольшую»: заставил бы коренных россиян носить с собой паспорта и контролировал бы их как в Москве, так и за её предела-

ми⁴. Очевидно, он не знал, что в СССР до 1974 г. сельское население, составлявшее огромную часть страны, паспортов практически не имело⁵, а полная паспортизация всего населения страны произошла лишь в 1981 г.

Нужно отметить, что и Накаса, и поэт Артур Нортъе уехали из ЮАР вовремя: за обоими пристально следила южноафриканская тайная полиция. В то время инакомыслящих и выступавших против апартеида деятелей еще выпускали из страны, чтобы избавиться от них, позже – начали сажать. Оставаться в стране дальше означало бы скорый арест. На Накасу, как стало известно уже после его смерти, был подготовлен ордер, ожидавший лишь подписания президентом Форстером [3, р. 53].

Жизнь в эмиграции, однако, оказалась не легче, чем в Южной Африке. В Англии А.Нортъе, как считают некоторые исследователи его творчества, начал осознавать, что его отстранение или даже отвержение от реальности имеет не столько географическую и политическую подоплеку, сколько является особенностью его психики: он оказался в принципе не способным выстраивать связи с людьми и обществом [6, р. 60]. Его «Оксфордские дневники», как и поэзия тех лет, наполнены демоническим самоощущением, одержимостью самоуничтожением, постоянным самокопанием и самоуничтожением из-за своей расовой принадлежности: будучи «цветным», он ощущал некую свою неполноценность, чувствовал себя не таким, как другие. Он называет себя «безнадежно больным», живущим «с испепеляющим демоном внутри», «дворнягой-полукровкой» [7, р. 105]. Как писал в своей статье южноафриканский исследователь Дэвид Банн, детально изучивший дневники А.Нортъе, это трагическое самоощущение также усиливалось употреблением алкоголя и психотропных веществ [8, р. 41].

Особенно драматичным периодом стало пребывание Артура Нортъе в Канаде, куда он переехал в 1967 г. Его преследовала череда неудач – несложившиеся любовные отношения, удручающая преподавательская работа, критика со стороны литературного сообщества Торонто, которое посчитало его стиль «устаревшим», а его тематику «неактуальной». Стихи, написанные в Канаде, полны тревоги, переходящей в паранойю, ужасом бессонницы, страхами демонов, чудовищ и инквизиторов. Удручающим, невыносимым одиночеством и изоляцией, в которую Нортъе сам себя загнал.

В Торонто, в отличие от Оксфорда, Нортъе перестал интересоваться политической жизнью, да и жизнью вообще. Его отравляла ненависть к себе, которая обрела теперь еще и черты расстройства питания, отстраненности и страха за будущее [8, р. 35]. Одиночество стало главной темой его предсмертной поэзии:

*Я страдаю от радиационных ожогов тишины:
Меня пугает не космическая необъятность и не катастрофа:
Это одиночество, которое меня калечит,
ночная лампочка, которая обнажает пепел на моем рукаве [7, р. 91].*

В 1970 г. Нортъе принял решение вернуться в Оксфорд. К этому моменту он уже начал обретать известность: его стихи печатались в разных журналах, его читали на Би-би-си. Он получил приглашение выступить на публичных чтениях и дискуссиях об африканской литературе [9, р. 24]. Но Нортъе так и не принял в них участия. Как вспоминал один из его знакомых, Хэди Дэвис, Нортъе в 1970 г. был на грани сумасшествия: его учебная виза заканчивалась, а британское гражданство ему не давали, Нортъе грозила депортация в ЮАР.

Вечером 8 декабря Нортъе поужинал и выпил с друзьями в местном пабе, вернулся к себе, написал последнее стихотворение и выпил смертельную дозу барбитуратов⁶. Точно неизвестно, намеревался ли Нортъе покончить с собой или же просто ошибся с дозировкой, желая успокоиться, но последнее его стихотворение – «*All Hungers Pass Away*» – наполнено горечью и разочарованием. «Утро после сладкого побега закончилось сосисками с пюре», – написал он [7, р. 146]. Мечтания об эмиграции как о спасении из ада закончились столкновением с отнюдь не сказочной реальностью жизни в изгнании, с которой Нортъе не сумел справиться.

⁴ Friends Honor Black South African Poet Who Died in Exile. *The New York Times*, April 3, 1966, p. 9.

⁵ <https://www.pnp.ru/social/vseobshhaya-pasportizaciya-v-sssr-proshla-spustya-polveka-posle-obrazovaniya-gosudarstva.html> (accessed 25.02.2023)

⁶ Группа лекарственных средств, оказывающих угнетающее влияние на центральную нервную систему (*прим. авт.*).

Нат Накаса, приехавший в США с массой амбиций и идей, тоже постепенно скатывался в пучину депрессии и отчаяния. Поначалу все шло неплохо: он сумел найти финансирование для своего собственного журнала *The Classic*. Накаса мечтал сделать журнал самым популярным изданием, печатающим современную африканскую литературу. Деньги на первый год существования журнала дал американский фонд *Farfield Foundation* и его основатель Дж. Томпсон.

Томпсон очень заинтересовался идеями Накасы и им как человеком и не только помог Накасе с журналом, но и стал его другом. Впрочем, было и то, что Томпсон скрывал от Накасы – *Farfield Foundation* получал свое финансирование напрямую от ЦРУ [10, р. 48]. ЦРУ еще с конца Второй мировой спонсировало много разных проектов, направленных на продвижение «некоммунистических взглядов на мир»: американские политики всерьез опасались распространения коммунизма и прикладывали огромные усилия для предотвращения этого. С коммунистическими идеями активно боролось и правительство ЮАР, ведь коммунисты были, по существу, одними из главных противников апартеида. Накаса, которого в ЮАР считали потенциальным коммунистом и распространителем коммунистической пропаганды, стал предметом пристального внимания и американских, и южноафриканских спецслужб [5, р. 774].

ФБР обратило особое внимание на Накасу с момента его активного участия в марте 1965 г. в конференциях в Вашингтоне и Кембридже, где он «в крайне экспрессивной форме» клеймил апартеид, американское бездействие в решении ситуации в Южной Африке, белых либералов, не признающих себя виновными и не замечающих массовой борьбы за гражданские права, идущей у них под носом в их собственной стране, клеймил политику превосходства белых в целом. Кроме того, ФБР получило сообщение от миграционной службы в Бостоне о том, что Накаса обращался к ним в январе с вопросом о возможности продления его американской визы и поездки в Великобританию, где жила большая южноафриканская община. В запросе Накасе было незамедлительно отказано по всем пунктам, а ФБР получило рекомендацию открыть дело на южноафриканского журналиста [9, pp. 55–56].

Накаса не только активно выступал на различных собраниях, митингах и конференциях, рассказывая о реальном положении дел в ЮАР и о положении небелого населения при апартеиде, но и много писал в самые популярные газеты. В *The New York Times*, в частности, он выпустил серию статей о своем пребывании в Гарлеме, сравнивая развитие расового вопроса в США и ЮАР. Статьи о Гарлеме наполнены едким юмором и горькими размышлениями о положении черных на родине и о его собственной неприкаянности. Черные в Гарлеме, писал он, всё еще борются за свое место под солнцем точно так же, как и он сам. Однако положение их в разы лучше, нежели их «братьев» в Южной Африке: в Гарлеме можно беспрепятственно пить в ночных клубах и барах, совсем как белое население, без страха быть схваченными полицией. В Гарлеме есть свои сигары и сигарные клубы и даже собственный банк – неслыханная роскошь, остававшаяся в ЮАР привилегией лишь белых [10, pp. 41, 48].

Но по мере приближения окончания его стипендии – летом 1965 г. – он становился всё более отчужденным, всё больше увлекался алкоголем. Как писал один из его друзей, Накаса всем рассказывал, насколько он несчастен [11, р. 56]. Надин Гордимер, встретившая Накасу тем летом, была глубоко поражена его состоянием: «Он никогда не был депрессивным человеком, пока жил в Южной Африке», – вспоминала она [11, р. 57]. Его всё больше преследовали воспоминания о матери, которую поместили в клинику для душевнобольных, когда он был маленьким. Накаса боялся, что тоже сходит с ума и постоянно говорил об этом друзьям.

13 июля 1965 г. в доме Джона Томпсона раздался телефонный звонок: знакомый сообщил, что видел Накасу в Гарлеме в крайне тревожном состоянии, твердившим о суициде. Томпсон разыскал Накасу и привез к себе в квартиру на Манхэттене. Около двух часов они беседовали, Накаса говорил о своей матери, о своем безвыходном положении, о том, что остался фактически без работы и без средств к существованию. Но после разговора Томпсон был уверен, что Накасе стало легче, он оставил его в своей квартире на ночь. Утром Томпсон проснулся от воя сирен: тело Накасы нашли лежащим под окнами его квартиры...

Похороны Накасы состоялись в Центральном парке, на них пришли многие его друзья и коллеги. Южноафриканский музыкант Хью Масекела вспоминал, насколько был шокирован известием о гибели Накасы, и впервые на его похоронах осознал, что «все мы можем умереть за границей» [11, р. 42]. Специальный номер созданного Накасой журнала *The Classic* (издавался в ЮАР) вышел вскоре после по-

хорон с посвященными Накасе и его трагической смерти стихами и статьями. Однако из итоговой верстки номера в последний момент была изъята статья писателя Кэна Темба о Накасе⁷.

Пока номер готовился к выходу, К. Тембу объявили «определенным согласно законодательству коммунистом» и запретили его работы и упоминание его имени на территории ЮАР. Сам Темба скончался тоже в эмиграции, в Свазиленде, в 1968 г. в результате тромбоза, вызванного затяжным алкоголизмом. При сходных обстоятельствах в том же году в Зимбабве умер южноафриканский композитор и один из авторов журнала *Drum* Тодд Матшикиза.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Этот мир состоит из двух половин: в одной из них невозможно жить, в другой – выдержать», – сказал однажды польский писатель Марек Хласко⁸. Эти слова были произнесены в зените скандальной славы Хласко: «главная надежда польской литературы», как его называли, не смог жить в коммунистической Польше, где с конца 1950-х гг. усилилась цензура и подавление инакомыслия. Но и уехав за границу, Хласко не смог найти себе там места: несмотря на огромное внимание к его творчеству и жизни со стороны западных журналистов и изданий, Хласко всё больше скатывался в алкоголизм. В 1969 г. тело 35-летнего писателя было обнаружено в квартире в немецком городе Висбадене, Хласко принял смертельную дозу снотворного и виски. «Я не мог ответить, почему покинул родину, – писал он в романе “Красивые, двадцатилетние”, – так как не покидал её никогда»⁹.

На первый взгляд, это высказывание выглядит просто нелепым и не соответствующим реальности. Но если задуматься, то именно в нем кроется, возможно, одна из причин трагедии Хласко. Причина его неприкаянности, как и неприкаянности многих других эмигрантов, в т.ч. тех, кто покинул Южную Африку и для кого этот путь имел трагический финал. «Я не покидал её никогда» – это означает, что, даже уехав от своей страны через океан, на другой континент, человек не смог оставить свою родину в прошлом – как и обиды на неё, как и желание вернуться и быть ей нужным, мечты о том, что там все изменится и будет иметь смысл снова взять билет и приехать «домой».

С такими же проблемами и вопросами сталкивалась и русская эмиграция: многим казалось, что большевики ненадолго пришли к власти или что их отношение к интеллигенции и оппозиции может измениться. И сколько было тех, кто поплатился за эти иллюзии жизнью! Были и те, кто понимал, как бы невыносимо трудно и больно это ни было, что на их веку вряд ли произойдет коренной перелом, что для таких изменений нужно много времени – и нет смысла их ждать и тешить себя надеждами.

Михаил Ростовцев, историк античности, покинувший Россию летом 1918 г., в беседе с Иваном Бунинным дал очень точную оценку их будущего в эмиграции: «В Россию? Никогда не попадем. Здесь умрем. Это всегда так кажется людям, плохо понимающим историю. А ведь как часто приходилось читать, например: “Не прошло и 25 лет, как то-то или то-то изменилось?” Вот и у нас будет так же. Не пройдет и 25 лет, как падут большевики, а может быть, и 50 – но для нас с вами, Иван Алексеевич, это вечность»¹⁰. Так оно и случилось.

Могла ли судьба Ната Накасы, Артура Нортье и многих других, погибших в изгнании, сложиться иначе?

История не терпит сослагательного наклонения, да и жизнь любого человека наполнена чередой самых разных, подчас непредсказуемых, событий, явлений, обстоятельств и чувств. Но, пожалуй, почти у каждого из этих еще очень молодых и талантливых писателей был шанс найти свое место в мире. И было множество примеров, когда эмигрировавшие по тем же причинам южноафриканские писатели и поэты обретали признание, славу и покой за границей: Питер Абрахамс, Эскиа Мпхалеле, Льюис Нкоси, Блок Модисан, Брейтен Брейтенбах, Джон Максвелл Куцие и др. Объединяло всех их, пожалуй, то, что рано или поздно, после долгого периода фрустрации и рефлексии, они сумели принять реальность и оставить родину. Разобрали «чемоданчик изгнанника», как точно выразился Абрахамс. Разобрали и перестали надеяться. И просто начали жить там, где оказались по своей воле или по воле судьбы.

⁷ Позже это посвящение – «The Boy with a Tennis Racket» вышло в сборнике «The World of Nat Nakasa». Ravan Press, 1975 (прим. авт.).

⁸ <https://etazhi-lit.ru/publishing/literary-kitchen/915-neprikayannyy-zhizn-i-smert-mareka-hlasko-19341969.html> (accessed 14.03.2023)

⁹ См.: Хласко М. Красивые, двадцатилетние. М., 2000. С. 10.

¹⁰ <https://secretmag.ru/stories/volny-emigratsii.htm> (accessed 14.03.2023)

Конечно, полностью вычеркнуть память о родине, о прошлом невозможно и не нужно. Но и продолжать мысленно жить в стране, которую человек покинул, переживать обиды на неё, надеяться на то, что в ней изменятся обстоятельства, вынудившие эмигрировать, и вот тогда-то и будет шанс на счастье и успех – путь, ведущий в пропасть отчаяния, депрессии, а иногда и смерти. Поэтому, как верно замечал Пифагор, если уже принято сложное решение собрать чемодан и уехать, лучше не оглядываться. И по приезде разобрать чемодан и продолжить жить.

Именно к таким выводам приходишь, изучая творчество и судьбы южноафриканской эмиграции 1950–1960-х гг.

REFERENCES

1. Grant J. Silenced generation. *Index of Censorship*, Vol. 6, Issue 3. May 1, 1977. Pp. 38–43.
2. Grimes W. Peter Abrahams, a South African Who Wrote of Apartheid and Identity, Dies at 97. *The New York Times*, Jan. 22, 2017. <https://www.nytimes.com/2017/01/22/books/peter-abrahams-a-south-african-who-wrote-of-apartheid-and-identity-dies-at-97.html> (accessed 14.03.2023)
3. Abrahams P. *The Black Experience in the Twentieth Century: An Autobiography and Meditation*. Bloomington, 2000.
4. Bryce J. Peter Abrahams: The View from Coyaba. <https://www.caribbean-beat.com/issue-61/view-coyaba#axzz4WKNW9hHk> (accessed 14.03.2023)
5. Shapiro K. No Exit? The Politics of Emigration Restrictions in Early Apartheid South Africa. *Journal of Southern African Studies*. 2016, Vol. 42, Issue 4. Pp. 763–781.
6. Chapman M.J.F. Arthur Nortje: Poet of Exile. *English in Africa*, Mar. 1979, Vol. 6, № 1. Pp. 60–71.
7. Nortje A.K. *Dead Roots*. London. Heinemann. 1971.
8. Bunn D. Some Alien Native Land. *World Literature Today*, Vol. 70, № 1, 1996. Pp. 33–44.
9. Klopper D. Arthur Nortje: A Life Story. *Arthur Nortje: Poet and South African: New Critical and Contextual Essays*. McLuckie, Craig and Ross Tyner.
10. Nakasa N. Mr. Nakasa Goes to Harlem. *The New York Times*, Feb. 7, 1965. Pp. 41, 48, 56.
11. Brown R.L. 2011. A Native of Nowhere: The Life of South African Journalist Nat Nakasa, 1937-1965. *Kronos*, November 2011, № 37. Pp. 41–59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Курбак Мария Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр региональных исследований, ИВИ РАН, Москва, Россия.

Maria S. Kurbak, PhD (History), Senior Fellow, Center of Regional Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 28.10.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.02.2023

Принята к публикации
(Accepted) 17.03.2023